

Е. Н. Лисанюк

КАК ВОЗРОЖДАЛАСЬ ЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ*

Аннотация: В статье показано, каким образом критика логиками-гуманистами логических учений схоластов способствовала формированию современного понимания логического знания как теории формальных систем. Для этого выделено три исторических подхода к месту логики в структуре наук: «строгий», «речевой» и «риторический», представлены позиции мыслителей, выступивших сторонниками каждого из этих трех подходов. В статье отмечено, что для позднесредневековых логических теорий, в наибольшей степени подвергшихся критике со стороны гуманистов, характерен «строгий» подход, однако в особой лингвистической форме. Это проявилось в таких схоластических учениях, как суппозиции, синкатегоремы и софизмы. На основе анализа трудов логиков-гуманистов продемонстрировано, как их «риторическая» критика гуманистов в адрес «строгого» подхода поздних схоластов подготовила почву для становления в «Логике Пор-Рояля» формального понимания отношения логического следования — ключевой категории логики.

Ключевые слова: логика Ренессанса, поздняя схоластика, логическое следование, логика Пор-Рояля, суппозиции, синкатегоремы.

Elena Lisanyuk

HOW LOGIC REVIVED

Resume: The paper discusses how the humanist logicians' critique of some medieval scholastic logical theories contributed to the development of the modern understanding of formal systems. 's We distinguish three historical approaches to how to define the place of logic in the structure of science, a rigor, speech-oriented and a rhetorical, which represent the position of the Renaissance thinkers who addressed supporters of each of these three approaches. We argue that the late medieval logical theories, which have caused most severe criticisms from humanists, belong to the rigor approach and come in a particular linguistic form. This attribution is manifest in such scholastic conceptions as *suppositiones*, *syncategoremata*, *sophismata* and other genres of the late medieval logical development called *logica modernorum*. We discuss some of humanists' results in logic and show that their rhetorical approach to key logical issues of which the logical consequence is the most important have in many aspects influenced the formal determination of it.

Keywords: Renaissance logic, late scholastics, logical consequence, logic of Pour-Royale, suppositions, syncategorems.

Лисанюк Елена Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета.

Lisanyuk Elena — candidate of philosophy (PhD), docent, Department of Logic, St Petersburg State University.

* Исследование проводится в рамках проекта РГНФ № 11-03-00601а.

Негативное отношение гуманистов эпохи Возрождения к схоластическому логическому наследию широко известно. Публицистический пафос низвержения этого наследия нашел отражение и в художественной, и в академической литературе. Например, Ф. Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» с иронией пишет о том, как в казенном ведомстве для решения практического вопроса чиновный люд приступает к «взвешиванию за и против» по модусу *Baralipon* и *Frisesomorum* [Рабле 1991: 62, 198]. Лоренцо Валла (1407–1457) грозитя Аристотеля и аристотеликов опровергнуть, возмущенный тем, что «некоторые возвели в обычай посвящение и приведение к присяге своих учеников, с тем чтобы те никогда не прекословили Аристотелю» [Валла 1989: 295]. Среди исследователей истории логической мысли распространен взгляд, согласно которому ренессансный этап развития научного знания явился ее упадком [Савельев 2006: 181]. Такое мнение справедливо, если историю логики видеть как линейное поступательное развитие ее современных ключевых положений и с позиций этих положений оценивать вклад своих предшественников.

Пропасть непонимания лежит между мыслителями Возрождения, рассуждающими о логике, и средневековыми схоластами, разработавшими, как стало ясно во второй половине XX в., ряд оригинальных логических учений. Гуманисту логические идеи схоластов кажутся выхолощенным бесплодным умствованием. Схоласт, будь у него возможность возразить, вероятно, возмутился бы тем, что гуманист не понимает сути дистинкций формального характера между различными единицами языка и прикладными аспектами применения полученных выводов. С одной стороны, большинство средневековых учений тяготеют к тому, чтобы в отсутствии понятия о формальной системе использовать в этой роли латинский язык, неродной для всякого схоласта, а потому в своем роде искусственный. Применительно к нему можно исследовать узловые логические понятия, такие как отношение логического следования и логическое значение, а также их онтологические основания. Препарированная таким образом латынь стала объектом критических нападков со стороны «зараженных филологической бациллой» гуманистов, стремившихся к возрождению классических языков в их античной форме, а подчас и просто к тому, чтобы «выразиться поцицеронистей» [Савельев 2006: 181]. С другой стороны, антропологический поворот, свойственный ренессансному гуманизму позволяет по-новому взглянуть на формальные свойства, составлявшие предмет изучения схоластов. Вместо того, чтобы рассматривать их как неотъемлемые характеристики конкретного естественного языка, пусть и приспособленного для формальных нужд, такой поворот позволяет абстрагироваться от лингвистических особенностей, составлявших существенную часть логических устремлений схоластов, и освободить концептуальное пространство для того, чтобы изучить формально-логические отношения сами по себе. В результате «гениальные логические достижения Средневековья, не опирающиеся... на услуги искусственного “языка”, а подкрепленные лишь весьма ненадежными мнемоническими средствами, по необходимости долго лежали под спудом» [Стяжкин 1967: 181], вплоть до второй половины XX в., когда на основе бурного развития логики современные исследователи смогли оценить вклад схоластов в логику.

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

В наибольшей степени сказанное верно касательно самого богатого на инновации раздела средневековой логики — «логики современных» (*logica modernorum*), расцвет которой пришелся на XIII–XIV вв. Именно «логика современных» и стала для логики-гуманистов основной мишенью для критики. В рамках этого раздела средневековые «современные логики» (*moderni*) выдвинули учения о логическом выводе (консеквенции), о логическом значении выражений относительно лингвистической формы их представления (суппозиции), о методике решения задач, в особенности логических (софизматы), о логических основаниях доказательств полноты и непротиворечивости произвольного множества высказываний (диспуты с предписаниями) и др. «Досталось» от логики-гуманистов и другим разделам средневековой логики: силлогистике, аргументации (диалектике и топике) и учениям об ошибках в рассуждениях, т. е. «старой» и «новой» логикам, вместе составлявшим «античную» логику, образованную корпусами логических сочинений Стагирита и комментариев к ним, которые стали доступны на средневековом Западе в два этапа соответственно.

Мы попытаемся показать, что логики-гуманисты, критикуя схоластов, действовали вполне в духе заложенных Аристотелем основ логической науки. Они подготовили становление логики как науки о формальных системах, идейные истоки которой находим в трудах мыслителей Нового времени, а первые содержательные теории были выдвинуты лишь в конце XIX в. [Черноскутов 2012]. Значение вклада логики-гуманистов не в том, что они сформулировали новые положения в русле так понимаемого логического знания, ибо они этого не сделали, но в том, что они проделали первые шаги в этом направлении. В пользу этой идеи будет выдвинуто два аргумента. Первый касается предмета логического знания в целом, и мы кратко рассмотрим позиции Аристотеля, схоластов и гуманистов по этому вопросу. Второй касается сути определения логического следования — краеугольной категории логики. По этому вопросу мы сопоставим позиции схоластов и гуманистов, опираясь и на позицию Аристотеля по первому вопросу.

Уточним, какие исторические периоды понимаются под схоластической логикой и логикой Ренессанса. В первом случае речь идет о тысячелетии между Боэцием (480–524), знаменующим переход от античности к Средневековью, и Павлом Венецианским (1372–1429), перу которого принадлежит ряд обстоятельных сочинений по логике в духе схоластицизма. Сочинения Павла Венецианского — наиболее поздний образец известных нам исследований такого рода. Во втором случае имеется в виду период длиной приблизительно в три столетия между Средневековьем и Новым временем, наступающий после Оккама (ок. 1285–1347), «Сумма логики» которого справедливо считается вершиной средневековой логической мысли, и продолжающийся вплоть до Ф. Бэкона (1561–1626) и Р. Декарта (1596–1650) — ярких представителей науки Нового времени. Указать точнее границу между Средневековьем и Возрождением сложно, потому что она неодинакова географически и условна концептуально. Так, в северной Италии, колыбели Ренессанса, ученые диагностируют появление идей гуманизма уже в середине XIV в., когда во Франции, Англии и северной Европе по-прежнему господствуют схоласты — Ж. Буридан, влиятельные оксфордские

калькуляторы, М. Ингенский и др. Специфическая схоластическая проблематика логических исследований «угасает» постепенно, и «следы» схоластических идей можно все еще обнаружить в трактатах мыслителей Нового времени, хотя на скромных ролях. Например, авторы «Логики Пор-Рояля» считают, что учение Аристотеля о категориях относится скорее к метафизике, нежели к логике, и тем не менее излагают его в учебнике по логике из соображений традиции. Эта традиция идет из средневековой схоластики.

В этом учебнике четко выражена идея о том, что логика — это «наука хорошо мыслить... а не хорошо рассуждать» [Арно, Николь 1990: 7]. Это идея служит одним из узловых аспектов водораздела между схоластической логикой и логикой гуманистов, в сочинениях которых находим острую критику лингвистической ориентации логической мысли Средневековья, характерной для «логики современных». Мы считаем, что критика схоластической логики со стороны гуманистов была нацелена на уточнение предмета и объекта логического знания. Это уточнение было идейно подготовлено логиками-гуманистами, но реализовано в полной мере было не ими, а учеными Нового времени.

В чем же состоял этот водораздел? Разве не стремились гуманисты к возрождению идеалов античных диалектики и риторики, направленных на высвобождение подлинных образцов ораторского искусства и древних языков от наслоений, вызванных спекулятивным интересом схоластов к формальной стороне дела? Да, стремились, и в ходе реализации этого концептуального намерения логики-гуманисты, заботясь о красотах латинского языка и элегантности речей, способствовали высвобождению предмета логического знания от лингвистических аспектов, привнесенных в него схоластами, особенно «современными логиками». В этом и состоит основная заслуга логики гуманистов. Однако чтобы аргументировать это положение, необходимо отказаться от представлений о линейном поступательном развитии логической мысли и непосредственном влиянии предшествующих мыслителей на последующих, по крайней мере в отношении этих двух периодов. Линейный взгляд на логические исследования схоластов и гуманистов неизменно приводит к заключению о «печальной судьбе» инновационных логических идей схоластов в руках гуманистов XV–XVI вв.

Начнем с того, что ни логика Средневековья, ни логика Возрождения не представляют собой единой традиции. Так, закат логических идей схоластов можно проследить в четырех направлениях развития логического знания в XV–XVI в.: рамистское движение, развиваемое последователями Петра Рамуса, логика гуманистов, комментирование оригинальных логических трудов Аристотеля и написание логических учебников для педагогических нужд¹. Критический пафос в отношении идей схоластов характерен для рамистов, логики гуманистов и традиции логических учебников, однако критикой по существу являются лишь логические учения гуманистов, выдвинувших собственные теоретические положения в противовес идеям схоластов.

¹ Движение луллистов, последователей Р. Луллия, мы относим к философии, а также к педагогике и аргументации (см.: [Кульматов 2003: 111–133]).

Логикой гуманистов, среди наиболее ярких ее представителей — Лоренцо Валла, Рудольф Агрикола (1443–1485), Хуан Вивес (1493–1540) и Джакомо Забарелла (1533–1589), и будет ограничено дальнейшее обсуждение. По логическим учебникам можно проследить постепенное замещение схоластических традиций преподавания логики новыми тенденциями, свойственное в большей степени изменениям в образовании, нежели в науках. В русле обновления системы обучения и дидактики находятся и логические идеи Рамуса и его сторонников.

Замысел Аристотеля по изучению логики и аргументации изложен им в заключительных строках трактата «О софистических опровержениях». Стагирит сообщает, что считает себя первооткрывателем именно логики, или *науки* о доказательствах и умозаклучениях, потому что об этом до него никто не говорил, тогда как в области аргументации, или *искусства* красноречия, констатирует он, «много было сказано до него» [Аристотель 1978b: 34 184a–185b]. Наукой он называет собственно логическое знание, а другие знания, где, среди прочих умений, используется и логика, — искусствами. Это разграничение, согласно Стагириту, зиждется на двух узловых аспектах. Во-первых, на том, что науки исходят из только первых и истинных положений и учат необходимым истинам [Аристотель 1978a: I 2 71b10–25], а искусства представляют собой практические руководства, и кроме первых и истинных положений, применимых везде, могут основываться также и на правдоподобных положениях или мнениях [Аристотель 1978a: I 33 89b5–10]. В подтверждение этому в «Топике» Аристотель предлагает классификацию силлогизмов [Аристотель 1978c: I 1 100b 18–101a 25], сконструированную таким образом, чтобы провести границу между демонстративными силлогизмами и силлогизмами, используемыми в других областях. Таким образом, Аристотель выделял собственно логическое знание и его применение в строгом смысле — к наукам о необходимом, и к остальным, среди которых также аргументация — искусство диалектической беседы.

В поздней античности, Средневековье и в эпоху Возрождения позицию Аристотеля в отношении предмета и объекта логики видели по-разному, при этом неизменно считая ее авторитетной. Здесь можно выделить три подхода, которые условно назовем «строгим» (*scientia rationalis*), «речевым» (*scientia sermocinalis*) и «риторическим». Каждый из них зиждется на определенной философской позиции. Границы между этими подходами условны, они часто проходят по персоналиям, нежели по концепциям. Мы попытаемся их разграничить применительно к краеугольной категории логики — отношению логического следования. В этом аспекте в «строгом» подходе следование видится необходимой связью между посылками и заключением, которая абстрагируется от содержания рассуждения и связана с логическими значениями его структурных элементов и процедурой его перенесения с посылок на заключение. В «речевом» подходе и логические значения, и фигуры рассуждений, ответственные за это перенесения, считаются свойствами соответствующих элементов языка. В «риторическом» подходе к фигурам рассуждений добавляются практические правила аргументации, свойственные отдельным областям знания и деятельности, так что отношение следования понимается как совокупность правил различного рода.

Замысел самого Аристотеля относится к «строгому» подходу, однако сторонники каждого из трех подходов щедро ссылаются на Стагирита в подтверждение своих позиций. Для поздней античности, где зарождается идеал схоластической учености, более характерен «риторический» подход, для раннего латинского Средневековья — «речевой», а для позднего — «строгий», но в специфической лингвистической форме [Лисанюк 2012]. Арабо-мусульманские мыслители, оказавшие значительное влияние на позднесредневековых латинских схоластов и гуманистов, придерживались либо «строгого» (двухчастный канон), либо «риторического» (девятичастный канон) подхода к логике, а гуманисты склонялись к последнему, но подчас формулировали его по-новому. В Новое время, судя по «Логике» и «Грамматике» Пор-Рояля, победил «строгий» подход. Мы считаем, что отстаивание гуманистами «риторического» подхода к логике в немалой степени этой победе способствовало.

«Риторический» подход был сформулирован в позднеантичной Академии. Он заключается в том, что логику считали не только строгой наукой о построении необходимых и истинных умозаключений, или частью философии, но и прикладным инструментом, предназначенным для применения в других науках и практической деятельности. Сторонник этого подхода Симпликий (ок. 460–560) включил в корпус логических знаний «Риторику» и «Поэтику» Аристотеля и был, по-видимому, первым в этом начинании [Симпликий 2000: 329–330]. Позиция Симпликия, перебравшегося после закрытия Академии в 529 г. в Сирию, а затем в Византию, была воспринята некоторыми арабо-мусульманскими философами. Так, Ибн Рушд, Аль-Фараби и поначалу Ибн Сина придерживались девятичастного канона логики, где, помимо трактатов, составляющих Органон Аристотеля, присутствуют «Введение» Порфирия, а также аристотелевские «Риторика» и «Поэтика». В поздний период Ибн Сина формулирует двухчастный канон логики как строгой науки, следуя, как он считает, первоначальному замыслу Стагирита [Джаббехдари, Лисанюк 2013]. Подход неоплатоников и арабских мыслителей был хорошо известен мыслителям-гуманистам и оказал на многих из них существенное влияние. Так, ссылаясь на Симпликия, Забарелла утверждает, что помимо общей науки о доказательствах логика должна учить убеждению не только самому по себе, но и его особенностям применительно к разным наукам и областям деятельности, поэтому к ней относятся также и энтимема, или риторический силлогизм, и риторическое наведение, или пример, изложенные в «Риторике» [Mikkeli 2013].

На латинском Западе средневековые дискуссии о природе логического знания приобретают наибольшую остроту на рубеже XII–XIII вв. Ощутимое влияние на эти дискуссии оказали новые переводы сочинений Аристотеля и комментариев к ним Ибн Рушда и Ибн Сины. Дискуссии фокусировались на том, понимать ли логику как «речевое» искусство эффективного и убеждающего рассуждения, тесно связанное с языком, или как науку о строгом доказательстве, или науку о мышлении, в «строгом» ракурсе. Сторонники обоих подходов к логике, и «речевого» и «строгого», связывали ее с языком, но видели эту связь по-разному. В первом случае речь шла об искусстве правильного выражения истины при «переведении» ее с идеального мысленного языка, в котором отсутствуют неоднозначные построения, на неидеальный естественный язык,

изобилующий ими и чреватый вследствие этого возникновением софизмов. Такова, например, влиятельная в Средние века позиция Гуго Сент-Викторского (1096–1141) [Гуго Сен-Викторский 2001: 308–309]. В подтверждение этого схоласты ссылались на заклеянные Аристотелем уловки софистов, происходящие из ошибок речи, а также на его «Топику», где обсуждаются разнообразные приемы диалектической беседы, т. е. аргументации. Во втором случае схоласты говорили о структурах языка, выражающих формальные аспекты построения мысли и указывающих на логический характер ряда элементов языка [Kilwardby 1989, 264–265]. Сторонники «строго» подхода изучали синкатегорематические выражения и свойства терминов, а обоснование правильности своего пути также черпали в аристотелевских трактатах из корпуса Органона, например, «Об Истолковании» и «О софистических опровержениях» — применительно к внеречевым уловкам и ошибкам [Лисанюк 2007].

В Средние века аристотелевское разграничение между демонстративным силлогизмом и другими его разновидностями считали эпистемологическим и относили его преимущественно к статусу посылок силлогизмов. Вплоть до П. Абеляра (1079–1142) форма построения таких умозаключений схоластов интересовала значительно меньше, чем истинность посылок, потому что подразумевалось, что структурно все умозаключения строятся одинаково и различаются только статусом посылок.

Абеляр был, видимо, одним из первых западных схоластов, кто выступил за четкое разграничение логики и искусства диалектики [Абеляр 1995b: 51]. Он различал содержание аргумента и его форму, к которой относил «силу вынуждения» заключения, и считал, что в основе построения демонстративных силлогизмов лежит сохранение истинности при переходе от посылок к заключению, но не содержание посылок. Предметом изучения логики Абеляр видит предложение, формулируемое в уме, высказывание — «умозрение», и считает, что в этом он следует Аристотелю. Способ же выражения высказываний в языке — это дело науки о языке, а не логики [Абеляр 1995a: 76]. В силу этого максимы из области «Топики», основанные на содержательных связях между посылками и заключением, служат лишь для целей лучшего усвоения и нужны для формулирования силлогизмов диалектических, но не демонстративных [Abaelardus 1970: 161–167]. В первой половине XII в. такой взгляд на суть логического знания шел вразрез с общепринятыми представлениями современников, он скорее созвучен идеям «логики современных» — У. Бурлею, У. Оккаму, Т. Брадвардину и др. Так, Гарланд Компотист из Льежа (первая половина XI в.) настаивает, что силлогистику нельзя освоить без помощи «Топики» [Garlandus Compotista 1959: 107]. Напротив, Абеляр предпринял попытку систематизировать составлявшие «Топику» правила построения аргументов с тем, чтобы выделить из них пригодные для построения формального вывода (*inferentia*).

В своем основном логическом трактате «Диалектика» он настойчиво пытается сконструировать некое единое определение, возвращаясь к этому снова и снова: в разделах об условных предложениях как разновидности составных, затем в главе о категорическом и опять — в главах об условном силлогизме, и снова — комментируя идеи «Топики». Вот лишь некоторые из его попыток: «Следование (*consequentia*)

закljučается в необходимости влечения (*consecutio*), т. е. в наличии того, что значение антецедента влечет значение консеквента» [Abaelardus 1970: 253]; «антецедент не может быть истинным без консеквента и поэтому влечет консеквент» [Abaelardus 1970: 283]; «истинность следования заключается в его необходимости, а именно в том, что сказанное в антецеденте не может быть без того, чтобы имелось и сказанное в консеквенте» [Abaelardus 1970: 271]. Многие современные авторы видят в этих определениях предвосхищение идей релевантной логики.

Отметим два ключевых аспекта этих усилий Абельяра. Во-первых, антецедент и консеквент связаны необходимо; во-вторых, эта связь не между содержаниями соответствующих языковых выражений, но между их логическими значениями, которые он был склонен трактовать композиционно. Представляется более вероятным, что Абельяр стремится выработать общее понятие логического следования, нежели что это все есть версии определения условных высказываний или строгой импликации в духе пропозициональной логики. В своих попытках сконструировать некое формально-логическое отношение, «сводя реальное к индивидуальному, а универсальное — к смыслу терминов, Абельяр создавал основания, на которых эта логическая критика метафизики — о чем сам он и не мечтал — когда-то все же сформируется» [Жильсон 2004: 218].

В XIII–XIV вв. эти две основополагающие идеи — композиционный характер предложения как единицы логического значения и формальный характер связи между посылками и заключением — становятся узловыми моментами дискуссий о природе логического следования. Укажем на три содержательных направления таких дискуссий. Первое — это спор об универсалиях. Это направление схоластической интеллектуальной жизни хорошо изложено в современной литературе. В ракурсе отношения следования оно проявилось в том, что схоласты по-разному видели онтологические основания верификации предложений как элементов этого отношения. При этом понимание сути самого формального отношения не зависело напрямую от позиции в данном споре. Например, У. Оккам, основатель терминизма в логике с его ключевой идеей композиционного характера предложения как состоящего из терминов, видел онтологические основания верификации предложений в вещах, на которые указывают субъект и предикат высказывания. Другой влиятельный логик-терминист и оппонент Оккама по вопросу об универсалиях У. Бурлей считал, что предложения являются особыми умопостигаемыми сущностями, но при этом состоят из вещей, идеи-образы которых представлены в интеллекте. Противоположные позиции Оккама и Бурлея в споре об универсалиях не помешали им стать основателями учения о суппозициях — квинтэссенции терминистской логики.

Второе направление дискуссий о сути логического следования — развитие учения о консеквенциях (умозаклечениях). Долгое время считалось, что эти дискуссии свидетельствуют о становлении пропозициональной логики в позднем Средневековье. Более корректно, однако, понимать их как обсуждение вопроса о том, в чем состоит характер связи между посылками и выводом умозаклечения, или, представляет ли оно следование правилу вывода, делающему аргумент обоснованным или нет, импликацию

или условное предложение, которое может быть истинным или ложным [Лисанюк 2000]. В раннесcholasticкой логике, где господствовали представления о «речевом» характере логики, консеквенции чаще понимали как условные предложения. Такова, например, позиция Гарланда Компотиста. Идея Абеляра, как мы видели, состояла, напротив, в том, чтобы сформулировать правила консеквенций, отграничив формальные от неформальных. Он склонялся к тому, чтобы следование трактовать как выводимость. В XIV в. этой линии будут придерживаться немногочисленные средневековые диктисты. Вместе с тем его идея композиционального понимания логического значения способствовала развитию идей пропозициональной логики, однако во весьма специфической лингво-философской форме терминизма.

Третье направление средневековой дискуссии об основаниях формальных отношений — это и есть спор между терминизмом и диктизмом, истоки которого — в идеях Абеляра и анонимных трактатах второй половины XII — начала XIII в.², а кульминация — в «логике современных», в учениях и синкатегоремах, суппозициях и логических парадоксах. Если терминизм из сегодняшнего дня видится магистральной линией схоластической логики, то о наличии противоположной ему диктистской позиции свидетельствует сравнительное небольшое количество средневековых трактатов. Суть терминизма состоит в том, что логическое значение высказывания считается производным от смысла его терминов, полагали и У. Оккам и В. Бурлей.

В отличие от терминистов диктисты считали, что следование — это отношение между значениями предложений, но не только логическими значениями, а прежде всего между их особыми сигнификатами — диктумами (от лат. dictum — высказанное), которые принято было выражать при помощи инфинитивно-аккузативного оборота. Например, сторонник диктизма Т. Браввардин считал, что антецедент и консеквент умозаключения связывает логическое отношение между их диктумами, такое, что консеквент не может быть истинным без того, чтобы и антецедент был истинным [Браввардин 2013: 69]. Диктум схоластов напоминает современную пропозицию, а сам диктизм близок фикционализму в логике. Таким образом, дискуссии об универсалиях, консеквенциях и логических основаниях умозаключений свидетельствуют о стремлении поздних схоластов — «современных» — очистить ключевую категорию логического следования от наслоений правил аргументации, принадлежащих жанру «Топики». Однако стремление это, отвратив схоластов от понимания логики как искусства владения речью (*scientia sermocinalis*) в пользу науки об умозаключениях (*scientia rationalis*), привело их в спекулятивные объятия мысленного языка. Поэтому, несмотря на то, что логико-лингвистические изыскания поздних схоластов со всей очевидностью тяготели к «строгому» подходу, на деле они оказались логическим исследованием языка — приспособленным под формальные нужды латыни.

Современные логики и лингвисты справедливо считают позднесредневековую «логику современных» жемчужиной логической мысли. Однако разглядеть эту

² Например, авторы *Ars Burana* и *Utdicit* оба являются терминистами, см.: [De Rijk 1967: 209, 131].

жемчужину непросто, так как блестящие догадки схоластов прячутся в труднопроходимых нагромождениях неожиданных классификаций и дистинкций. С одной стороны, в рамках жанров «логики современных» предметом изучения стали логические свойства синтаксических единиц языка, с другой стороны, объектом логического анализа был мысленный язык вообще, причем под мысленным языком средневековые магистры были склонны понимать некий идеализированный вариант латыни [Лисанюк 2000]. Например, в широко распространенных трактатах о синкатегорематических словах Уильям Шервуд, Петр Испанский, Павел Венецианский и другие схоласты обсуждают такие вспомогательные элементы языка, как союзы и выражения: «если, то», «не», «никакой», «кроме», «за исключением» и т. п., и на основе их свойств формулируют особенности понимания смысла и логического значения предложений. Венецианец считал, что есть три вида таких выражений: чисто вспомогательные, смешанные и специальные. Первые не могут сами быть субъектами и предикатами предложений, например «если, то», «или» и др. Вторые, такие как, например, «ничто», «один», способны также выступать в роли категорематических терминов. Специальные синкатегоремы используют логики и другие ученые для краткости обозначения, поэтому такие термины выполняют особую роль — замещать категорематические слова, и синкатегоремами в первом смысле быть вообще не могут [Paul of Venice 1989: 7]. Напротив, Петр Испанский считал, что основная функция синкатегорематического термина — соозначать (*consignificatio*) и своим местоположением (*dispositio*) в предложении уточнять смысл категорематических терминов [Peter of Spain 1992: 119]. Его позиция нашла отражение в развиваемом им учении о суппозициях, изложенном в его «Малых логиках», где смысловые значения терминов в предложении различаются в зависимости от контекста, важную роль в котором играют вспомогательные синкатегорематические термины [Peter of Spain 1972]. Суппозиции — это своеобразная классификация контекстуальных значений терминов, напоминающих одновременно и современное представление об особенностях лексем, многозначности слов, а также о кавычках (материальная суппозиция), и разграничение между общими, единичными и универсальными понятиями (простая и персональная суппозиции) [Журавлева 2011], и непосредственные умозаключения (разновидности персональной суппозиции) [Журавлева, Лисанюк 2013].

Дискуссии о значении синкатегорем были тесно связаны с другим жанром «логики современных» — с решением сложных задач, или софизмов (*sophismata*). Например, в зависимости от того, каким образом понимать «и» и «или» в предложении «Все люди суть ослы или люди и ослы суть ослы», его логическое значение будет истинным или ложным. Таким образом, особенностью логических штудий схоластов была не только их непосредственная связь с анализом языка, но тенденция рассматривать различные по существу вопросы логики и лингвистики совместно: и в рамках единой классификации, и в тесном соприкосновении разделов логики. Последние два фактора и по сей день затрудняют понимание сути схоластических идей.

По сути в этом и заключаются претензии гуманистов, если отвлечься от пышных риторических форм, которыми изобилуют их логические трактаты. Большинство

логиков-гуманистов тяготели к «риторическому» пониманию логики, настаивали на ее практическом аспекте и обвиняли схоластов в его забвении. Позднесредневековые «современные» логики были преимущественно сторонниками ее «строгого» понимания, даже в таких разделах «логики современных», где практическая направленность лежит на поверхности, например, в учении о логическом диспуте (*obligationes*), они были склонны абстрагироваться от реальных диспутов и иных практических приложений.

Яростное негодование в адрес суппозиций и софизмов встречаем на страницах сочинений испанского гуманиста Хуана Вивеса. Он советует «проклясть их, потому что сам так и не смог их понять» [Zabarella 1964: 38]. Вивес был харизматичной личностью, много путешествовал, преподавал в разных университетах Европы, включая Оксфорд, хотя так и не получил степени бакалавра искусств. Основной объект его критики — «Малые логикалии» Петра Испанского. Вивес добросовестно перечисляет ряд известных средневековых софизмов, включая вышеуказанный, и подчеркивает, что для того, чтобы разобраться в том, как правильно трактовать эти высказывания, нужно знание диалектики, риторики и хорошее владение языком, а путанные схоластические дистинкции совершенно бесполезны. К какому языку эти дистинкции приложимы? — задается вопросом Вивес, и тут же отвечает: нет такого языка! Варваризм, именуемый схоластами латынью, не относится к обычным языкам, исследуемым грамматикой, диалектикой и риторикой. Он считает, что теоретические положения диалектики должны быть приложимы к обычной речи и понятны всем, а не только высоколобым ученым. Несхоластические по происхождению и антисхоластические по содержанию сочинения Вивеса, скорее, предвосхитили идеи мыслителей Нового времени о восстановлении наук, нежели повлияли на развитие логического знания по существу.

Гневный пафос Вивеса продолжает эмоциональную линию Л. Валлы. Принято считать, что, приступая к критике перипатетической логики, Валла, как позже и Вивес, не удосужился серьезно ее изучить. Его примеры силлогизмов пестрят ошибками, а среди главных объектов критики, олицетворяющих отвергаемую им логику, — Аристотель, Боэций и Петр Испанский. Своего старшего современника и соотечественника Павла Венецианского Валла не упоминает, нет в его трактате и следов того, чтобы Валла изучал труды других схоластов, известных в Италии того времени, например Оккама. Содержание его труда, посвященного критике логики схоластов, — «Перекапывание всей диалектики вместе с основаниями всеобщей философии» — свидетельствует о том, что он не был знаком с большинством разделов «логики современных», вызывавших гневный отпор у гуманистов. Этот трактат Валлы состоит из трех частей: учения о категориях и общих понятиях, истолкования слов и аргументации, и в каждой из этих частей он обещает провести грандиозный пересмотр. В первой он критикует аристотелевскую систему десяти категорий, предлагая сократить их число до трех. Во второй и третьей части он также занимает позицию рационализатора и выдвигает две критические идеи, которые не менее экстравагантны, чем первая, но заслуживают внимания в ракурсе обсуждения предмета логического знания. Первая — это соображение Валлы о сокращении числа синкатегорем, важных для усвоения логики, и ее можно понимать как предвосхищение идеи задания

правил взаимоопределимости операторов и кванторов. Вторая связана с рационализацией силлогистики, «проект» которой, выдвинутый Валлой, для историков логики часто служит примером невежества логиков-гуманистов [Nauta 2013]. Валла предлагает число фигур силлогизма сократить до двух. Несмотря на то, что обоснование этого проекта Валла снабдил множеством некорректных и попросту ошибочных рассуждений, мы остановимся на его идее «одобрения», играющего, по мнению Валлы, важную роль в умозаключении. «Одобрение» — это особая логическая сила, вынуждающая заключение следовать из посылок в силлогизме. Мы далеки от того, чтобы считать «одобрение» попыткой сформулировать отношение логического следования, однако тот факт, что Валла задумал его как некое формальное отношение, налицо.

Основную задачу разума Валла видит в том, чтобы «исследовать вещи, воспринятые и удержанные памятью, и ... составить о них суждение» [Валла 1989: 321], в помощь которому приходит составляющая утверждение или опровержение диалектика — наука, как никакая другая короткая и легкая, по его мнению. Риторика же эти суждения облачает в достойную словесную форму. Значительную часть учения об истолковании слов Валла отводит обсуждению материала, принадлежащего проблематике синкатегорем у схоластов. Он желает продемонстрировать надуманность и бесполезность большинства разграничений, введенных схоластами, и вполне преуспевает в этом. Таковы, на его взгляд, различные слова, обозначающие количество предложений, а также их модусы. Тот факт, что в языке много таких слов, похожих по смыслу и функциям, свидетельствует о том, что имеются разные стили и привычки словоупотребления. Для нужд диалектики же достаточно трех выражений для модусов: истинно, возможно и невозможно, и из них, при необходимости, легко образовать остальные. Аналогично дело обстоит и с выражениями времени, количества и пр. [Валла 1989: 354]. Валла приводит неформальные правила взаимоопределимости модусов, укладывая рыхлый и разрозненный схоластический материал синкатегорем в более-менее стройную схему. Разумеется, он не называет модусы и выражения длительности, количества и т.п. операторами или связками, как это принято сегодня. Однако несомненно, что идея разграничения логических и внелогических терминов и задания строгого понимания для первых ему близка.

Вторая идея Валлы касается силлогистики и заключается в том, что количество выделяемых Аристотелем фигур чрезмерно, и вместо трех достаточно двух, однако не тех, о которых учит Стагирит и схоласты, но утвердительной и отрицательной. Первая, по его мнению, трактует утверждения, а вторая — опровержения, составляющие цель диалектики. Доказательства корректности силлогизмов по второй и третьей аристотелевским фигурам путем сведения их к первой фигуре также бесполезны.

Соображения Валлы о «рационализации» силлогистики не столь уж наивны и поверхностны, как принято считать. Начнем с того, что Валла следует Аристотелю в том, что диалектика есть «способность строить заключение посредством возможного», логика же — посредством необходимого» [Валла 1989: 361], и силлогистику относит к логике, отграничивая ее от диалектики при помощи уточнения характера отношения между посылками и заключением. Если в диалектике оно носит вероятный

характер, то в логике — необходимый, считает он: «Силлогизм есть словесное выражение необходимого доказательства или же необходимого аргумента, состоящего из трех частей, которые есть посылка, одобрение и вывод» [Валла 1989: 363]. Стало быть, состав умозаключения, по Валле, не сводится к его структуре, но опирается на определенную связь между посылками и выводом, именуемую им «одобрением». Суть этого «одобрения» и есть логическая связь посылок и заключения. Причем эта связь различна для утвердительной и отрицательной фигур [Валла 1989: 367–368].

Данную идею Валла излагает весьма сумбурно, облекая в форму атаки на упомянутые выше разделы силлогистики перипатетиков. Однако здравая мысль заключается в том, что похожие на кванторы выражения количества, взятые вместе с представлением об «одобрении» утверждения и отрицания, напоминают понятие логической выводимости. По-видимому, Валла имеет в виду нечто наподобие аксиомы простого категорического силлогизма, которую схоласты формулировали в форме двух правил: *dici de omni* и *dici de nullo*. В известном смысле его соображения выглядят как предвосхищение идей аксиоматизации классической силлогистики.

Таким образом, в отличие от сочинений Вивеса, наполненных полемическими выпадами в адрес логики схоластов, трактат «Перекапывание диалектики» Валлы, помимо этого, содержит и справедливую критику, развитие идей которой подготавливает становление логики как формальной науки. Так, вторая часть «Логики» Арно и Николя практически целиком посвящена синкатегоремам. В ней авторы со всей обстоятельностью показывают, какие элементы языка следует считать логическими терминами и как надлежит их трактовать с точки зрения структуры суждения и его логического значения. Большинство же вспомогательных единиц языка они считают просто разновидностями выражения логических терминов в естественном языке. Свидетельств развития идеи «одобрения» в «Логике» Арно и Николя нет, однако вполне ясно изложена суть формального отношения между посылками и заключением, «которое должно быть необходимым следствием из них, если силлогизм является правильным, т.е. если в предположении истинности посылок заключение необходимо истинно» [Арно, Николь 1990: 180]. Другим подтверждением того, что мыслители Пор-Рояля склоняются к «строгому» подходу в логике, является их идея о том, что правила рассуждений из «Топики» можно и вовсе не рассматривать в учебнике по логике [Арно, Николь 1990: 236].

Подведем итог. Логики-гуманисты плохо понимали разработки схоластов, это особенно верно в отношении позднесредневековой «логики современных», богатой оригинальными логическими идеями, послужившими основной мишенью для их критики. Продиктованное, казалось бы, риторическими соображениями требование мыслителей Возрождения сделать логическую науку доступной и пригодной для построения рассуждений, на деле было направлено на тесную смычку логики и лингвистики, характерную для логических учений схоластов XIV–XV вв. Эта смычка в раннем Средневековье способствовала освобождению понятия логического следования из объятий практики рассуждений, идущей из поздней античности. В контексте «логики современных» она привела к тому, что логическое знание стали считать

наукой о мышлении — о построении умозаключений в мысленном языке, под которым схоласты понимали особым образом препарированную латынь. Поэтому «риторизирующие» выпады гуманистов способствовали тому, чтобы отделить логический анализ языка от собственно логического знания в строгом смысле, что и произошло впоследствии, о чем свидетельствует уже «Логика Пор-Рояля».

ЛИТЕРАТУРА

- Абеляр 1995a — *Абеляр П.* Логика для «начинающих» // Абеляр П. Теологические трактаты / пер. с лат., вступ. ст., сост. С. С. Неретиной. М., 1995. С. 50–97.
- Абеляр 1995b — *Абеляр П.* Предикаменты. Книга о частях речи, которые мы называем высказываниями // Абеляр П. Теологические трактаты / пер. с лат., вступ. ст., сост. С. С. Неретиной. М., 1995. С. 98–131.
- Аристотель 1978a — *Аристотель.* Вторая Аналитика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 533–591.
- Аристотель 1978b — *Аристотель.* О софистических опровержениях // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 533–591.
- Аристотель 1978c — *Аристотель.* Топика // Аристотель. Соч.: 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 347–532.
- Арно, Николь 1990 — *Арно А., Николь П.* Логика, или искусство мыслить / пер. с фр. В. П. Гайдамака; отв. ред. А. Л. Субботин. М., 1990. 416 с.
- Брадвардин 2013 — *Брадвардин Т.* Трактат о логических парадоксах (инсолубиях) / пер. с лат. Е. В. Журавлевой, Е. Н. Лисанюк // Историко-философский ежегодник. 2013. С. 66–85.
- Валла 1989 — *Валла Л.* Перекапывание [пересмотр] всей диалектики вместе с основаниями всеобщей философии / пер. с лат. В. А. Андрушко // Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989. С. 291–404.
- Сен-Викторский 2001 — *Гуго Сен-Викторский.* Семь книг назидательного обучения, или Дидаскаликон / пер. с лат. Ю. П. Малинина // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. / под ред. С. С. Неретиной, Л. В. Бурлаки. Т. 1. СПб., 2001. С. 308–309.
- Джаббехдари, Лисанюк 2013 — *Джаббехдари М., Лисанюк Е. Н.* Роль математических примеров в логическом учении Ибн Сины // Вестн. Ленингр. ун-та им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 4. С. 39–49.
- Душин 2005 — *Душин О. Э.* Спор об универсалиях: эпистемологические горизонты схолистического дискурса // Логико-философские штудии. 2005. Вып. 3. С. 300–317.
- Журавлева 2011 — *Журавлева Е. В.* Сравнительный анализ логико-семантических концепций У. Оккама и Г. Фреге // Вестн. Ленингр. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 4. С. 182–192.
- Журавлева, Лисанюк 2013 — *Журавлева Е. В., Лисанюк Е. Н.* Лжет ли лжец Т. Брадвардина? // Историко-философский ежегодник. 2013. С. 39–65.
- Жильсон 2004 — *Жильсон Э.* Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV в. / пер. с фр., общ. ред. С. С. Неретиной. М., 2004. 680 с.
- Кульматов 2003 — *Кульматов В. А.* Способ задания определений и характер аргументации в «Искусстве» Раймунда Луллия // Историко-логические исследования: межвуз. сб. СПб., 2003. С. 111–133.
- Лисанюк 2007 — *Лисанюк Е. Н.* Ошибки в рассуждениях как критерий приемлемости аргументации (на материале Аристотеля и Оккама) // Модели рассуждений — 1: логика и аргументация: сб. науч. статей / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград, 2007. С. 168–177.

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

- Лисанюк 2012a — Лисанюк Е. Н. Полемика и средневековый логический «диспут» / ред. Ю. В. Иванова, П. В. Соколов // Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время. М., 2012. С. 130–158.
- Лисанюк 2012b — Лисанюк Е. Н. Предмет логики и логическая теория предмета // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2012. Вып. 1. С. 16–22.
- Лисанюк 2000a — Лисанюк Е. Н. Типы консеквенций в логике У. Бурлея // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2000. Вып. 2, № 14. С. 36–43.
- Лисанюк 2000b — Лисанюк Е. Н. Учение о мысленном языке в средневековой логике // Вестн. Мурманск. техн. ун-та. 2000. Т. 3, № 3. С. 385–394.
- Рабле 1991 — Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1991. 768 с.
- Савельев 2006 — Савельев А. Л. История идеи универсальной грамматики с древнейших времен и до Лейбница. СПб., 2006. 380 с.
- Симпликий 2000 — Симпликий. Комментарий к «Физике» Аристотеля (кн. 1, гл. 1) / пер. Т. Ю. Бородай // Философия природы в античности и в средние века / под ред. П. П. Гайдено, В. В. Петрова. М., 2000. С. 329–356.
- Стяжкин 1967 — Стяжкин Н. И. Формирование идей математической логики. М., 1967. 512 с.
- Черноскутов 2012 — Черноскутов Ю. Ю. Язык и предмет логики в британской логической традиции XIX века // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2012. Вып. 1. С. 3–15.
- Abaelardus 1970 — Abaelardus Petrus. Dialectica / ed. by L. M. De Rijk. Assen, 1970. 300 p.
- Garlandus Compotista 1959 — Compotista Garlandus. Dialectica / ed. L. M. de Rijk. Assen, 1959. 250 p.
- Kilwardby 1989 — Kilwardby R. De ortu scientiarum / ed. N. Kretzmann, E. Stump // The Cambridge Translations of Medieval Philosophical Texts. Cambridge, 1989. P. 264–265.
- Mikkeli — Mikkeli H. Giacomo Zabarella / ed. Zalta E. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/giacomo-zabarella/> (дата обращения: 29.08.2013).
- Nauta — Nauta L. Lorenzo Valla / ed. E. Zalta // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/lorenzo-valla/> (дата обращения: 29.08.2013).
- Veneti 1979 — Veneti Pauli. Logica Magna, Prima Pars: Tractatus de Terminis / ed. and transl. by N. Kretzmann. Oxford, 1979. 216 p.
- Peter of Spain 1972 — Peter of Spain. Tractatus Called Afterwards Summule Logicales. First Critical Edition from the Manuscripts / with an introduct. by L. M. de Rijk. Assen, 1972. 360 p.
- Rijk 1967 — Rijk L. M. de. Logica Modernorum. Vol. 2, Part two: the Origin and Early Development of the Theory of Supposition / ed. by L. M. de Rijk. Assen, 1967. 650 p.
- Zabarella 1964 — Zabarella G. Opera omnia / ed. G. Mayans y Siscár: in 8 vol. Valencia, 1782–1790 (reprint: London, 1964. — vol. 3. 38 p.).